

ОТ ПРИНЦИПА ОБЪЕКТИВНОСТИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ К РЕКОНСТРУКЦИИ РАЗНЫХ СИТУАЦИЙ ПРОИЗВОДСТВА ЗНАНИЙ

Розин Вадим Маркович,

доктор философских наук, профессор,

главный научный сотрудник

Института философии РАН,

Россия, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1

ORCID: 0000-0002-4025-2734

rozinvm@gmail.com

Аннотация

В статье предлагается перейти от принципа объективности научного знания к реконструкции разных ситуаций производства знаний. Для этого сначала показывается, что этот принцип не работает в гуманитарных и социальных науках и частично перестал работать в естествознании (в области микро- и макроявлений). Намечается схема генезиса принципа объективности (необходимость обоснования познания в естественных науках, предложения Канта и Юма). В качестве альтернативы принципу объективности предлагается реконструкция разных ситуаций производства знаний, содержащая два плана: один включает *внешнюю позицию* в предположении, что мы знаем, как всё было на самом деле, другой – *заимствованную*, в которой характеризуется концепция познания тех субъектов, которые подлежат анализу. Чтобы продемонстрировать логику этой реконструкции, рассматриваются несколько ситуаций производства нового знания: с использованием схем (работы Платона), представлений о мышлении (Аристотель), математики и эксперимента (Галилей), интерпретаций исследователя (З. Бауман). Обсуждаются критерии истинности и эффективности новых знаний, существенно различающиеся в естественных и гуманитарных науках. Для естественных наук – математическое описание процессов и механизмов определенного природного явления, а также эксперимент, позволяющие рассчитывать и прогнозировать, создавать инженерные сооружения. Для гуманитарных – истолкование явления, обеспечивающее его понимание и использование в определенных аудиториях. Поскольку социальные науки ориентированы на решение сразу двух задач: расчет и прогноз социальных процессов и осмысление социальных акторов, инициировавших эти процессы и действующих в них,

постольку в социальных науках критерии истинности и эффективности частично совпадают с указанными здесь критериями естественных наук, частично – с критериями наук гуманитарных.

Ключевые слова: объективность, наука, знание, мышление, критерий, природа, истинность, эффективность, эксперимент, интерпретация.

Библиографическое описание для цитирования:

Розин В.М. От принципа объективности научного знания к реконструкции разных ситуаций производства знаний // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14, № 3, ч. 1. – С. 75–92. – DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.3.1-75-92.

В книге «Объективность науки и релятивизм» Елена Аркадьевна Мамчур, один из лучших отечественных философов естествознания, защищает принцип объективности от нападков со стороны критиков: научные «притязания, методы и результаты не находятся под влиянием или, по крайней мере, не должны находиться под влиянием личных и групповых интересов, предвзятых взглядов, ценностных воззрений, а также других субъективных факторов» [12, с. 45]. Признавая значение в научном познании позиции исследователя, Мамчур тем не менее отстаивает независимость научного познания от психологических особенностей познающего. «Цель науки, – пишет она, – достижение объективного истинного знания» [12, с. 45]. «Но чем бы помешало представителю science studies признание того, что в конечном счете эта заявка у подлинного ученого имеет цель способствовать прогрессу научного исследования, цель которого – познание законов природы» [12, с. 222].

И выше: «Вполне возможно, что некоторые психологические особенности познающего субъекта играют неустранимую роль в развитии научного знания и в связи с этим должны учитываться современной эпистемологией. Но в любом случае следует отдавать себе отчет в том, что призывы включить в исходную эпистемологическую абстракцию эмпирического субъекта как такового, не попытавшись подчинить его познавательную деятельность методологическим нормам и не вооружив его способами обосновывать любой предлагаемый им вклад в систему научного знания, грозят не только отдать науку на откуп персоналистскому релятивизму, но и вообще ее разрушить» [12, с. 156, 157].

Нетрудно заметить, что Мамчур имеет в виду именно естествознание (естественные науки), в котором объекты изучения считаются принадлежащими природе и где все ученые имеют примерно похожие взгляды на законы природы. Последние понимаются как устойчивые, воспроизводимые в экспериментах характеристики естественных процессов, действительно независимые от познающего субъекта.

Однако кроме естественных наук существуют гуманитарные и социальные, значение которых постоянно возрастает. Для них проблематично говорить о законах, зато ясна зависимость познания от ценностей исследователя. Как писал еще в начале прошлого столетия В. Дильтей: «Возможность постигнуть другого – одна из глубоких теоретико-познавательных проблем... Условие возможности состоит в том, что в проявлении чужой индивидуальности не может не выступать нечто такое, чего не было бы в познающем субъекте» (цит. по П. Гайденко [5, с. 247, 248]).

«Разумеется, – пишет М. Вебер, – это не означает, что в области наук о культуре познание общего, образование абстрактных родовых понятий и знание правил, попытка формулировать “закономерные” связи вообще не имеют научного оправдания. <...> Следует только всегда помнить, что установление закономерностей такого рода – не цель, а средство познания» [4, с. 46, 47]. Вебер старался показать, что теоретические построения наук о «культуре» (или «духе» – так первоначально назывались гуманитарные науки) – это не законы наподобие естественно-научных, а «идеально-типические» построения («конструкции», «понятия»), они дают возможность ученому схематизировать и интерпретировать эмпирический материал в соответствии с выбранной точкой зрения и задачей [4, с. 60, 61].

Здесь стоит указать, что и в естественных науках для сферы микро- и макроявлений приходится учитывать позицию исследователя, что отчасти признает и сама Мамчур. «Вопрос ставится так, – пишет она, – что описывает квантовая механика – микромир или микромир плюс сознание наблюдателя? ...Его ставили Э. Шредингер, Дж.А. Уилер, Ю. Винер, А. Шимони и др. Часть физиков (Е. Мамчур присоединяется к ним. – В. Р.) при этом отрицала такую возможность (Шредингер), часть относилась к идее положительно. ...Вторая трактовка связана с тем, что квантовая механика (во всяком случае в ее стандартной интерпретации), в отличие от классической, не *открывает* явления, которые существуют до любого акта измерения или описания, а некоторым образом *создает* их и только их и описывает, не “добираясь” до самой реальности» [12, с. 23, 24].

«Наблюдаемые свойства Вселенной, – пишет В. Казютинский, – жестко связаны с численными значениями ряда фундаментальных физических констант. Если бы эти константы были бы хоть немного другими, оказалось бы невозможным существование во Вселенной ни атомов, ни звезд, ни галактик, ни возникновение условий, которые привели к появлению человека, наблюдателя» [10, с. 49]. Отсюда теологическое объяснение: «человек – цель эволюции Вселенной, задаваемая трансцендентальными условиями» [10, с. 50]. «Предложенная интерпретация Вселенной, – поясняет Казютинский, – как целого находится в согласии с идеей множественности онтологических миров. ...Оправдалась основная идея автора: по-

нятие Вселенной как целого действительно релятивно, а не относится к какому-то раз навсегда заданному физической абсолюту» [10, с. 13].

Вполне можно согласиться с тем, что «в настоящее время в академическом сообществе не существует согласия ни по поводу того, что такое научная объективность, ни по поводу того, как ее можно достичь. На протяжении нескольких последних десятилетий в ходе общественных дискуссий поднималось множество вопросов, касающихся данной проблемы. Один из таких вопросов: заслуживают ли доверия медицинские научные исследования, которые финансируются фармацевтическими компаниями? Другой релевантный вопрос: какие исследования в климатологии соответствуют критериям научной объективности? На фоне этих дискуссий проблема научной объективности приобрела очень большую важность в истории науки, философии науки, а также в социальных исследованиях науки и техники» [13].

Бросим взгляд на историю происхождения принципа объективности научного знания. В XVII–XVIII веках возникла необходимость объяснить и обосновать способ получения знаний в естественных науках, которые стали создаваться после работ Галилея и программы Ф. Бэкона. С одной стороны, в получении знаний большую роль играли индивиды (ученые), с другой – технология получения естественно-научных знаний выглядела деиндивидуальной, определяемой только используемыми средствами (математика, доказательства, эксперимент). Причем использование этих средств и технологий как бы детерминировалось строением природы (ее законами), ведь последняя понималась как «написанная на языке математики» (Галилей) и «стесненная искусством» в эксперименте (Бэкон).

Иммануил Кант в «Критике чистого разума» предлагает разрешение этой дилеммы. Да, утверждает он, именно субъект конституирует научные предметы, но не произвольно, а следуя априорным началам. Революция в познании, по Канту, произошла тогда, когда ученый «понял, что его задача состоит не в исследовании того, что он усматривал в фигуре или в одном лишь ее понятии, как бы прочитывая в ней ее свойства, а в том, чтобы создать фигуру посредством того, что он сам *a priori*, сообразно понятиям мысленно вложил в нее и показал (путем построения). Он понял, что иметь о чем-то верное априорное знание он может лишь в том случае, если приписывает вещи только то, что необходимо следует из вложенного в нее им самим сообразно его понятию...» [11, с. 84, 85].

Интересно, каково происхождение кантовского *a priori*, не является ли оно рациональным переосмыслением еще средневековых универсалий? «Решение проблемы универсалий, – пишет Светлана Неретина, – у Абеляра связано с попытками обнаружить способ “схватывания” (*conceptio*) единичного и многообразного в акте познания, осуществляемом душой,

но так, чтобы душа с ее модификациями в чувственном восприятии и рассудке, осуществляющими созерцание (что и есть “схватывание”), не оказалась бы всего лишь местом сбора разнородных представлений о вещах, мало связанных между собой, “лишенным мысли созерцанием” (Кант), что противоречило бы представлениям о любовной принадлежности миру высших истин. <...> Именно в душе формируется этикологический концепт богопознания. Поскольку Бог творит вещи ради Себя, то по сотворении их Он должен вернуть их себе, проведя через перипетии отрицания (в силу конечности мира и связанной с нею идеей порождения). Идея “схватывания”, коррелирующая с этими идеями, потому есть одна из основных в логике Абеляра, необходимая для анализа проблемы универсалий, поскольку общее должно каким-то образом принадлежать обоим мирам: горнему и дольнему» [14, с. 268].

Давид Юм, решительно вставший в объяснении познания на почву опыта и природы, заменяет априорные кантовские начала «объектами природы» и тем самым прокладывает путь принципу объективности научного знания. «Человек, – пишет Юм, – рожден преимущественно для деятельности и в своих поступках руководствуется вкусом и чувством, стремясь к одному объекту и избегая другого... весь материал мышления доставляется нам внешними или внутренними чувствами... знание причинности отнюдь не приобретается путем априорных заключений, но возникает всецело из опыта, когда мы замечаем, что отдельные объекты постоянно соединяются друг с другом... Всякая вера в факты или реальное существование основана исключительно на каком-нибудь объекте, имеющемся в памяти или восприятии, и на привычном соединении его с каким-нибудь другим объектом... Итак, существует род предустановленной гармонии между ходом природы и сменой наших идей» [23, с. 5, 24, 35, 62, 74].

Так как, по Юму, строение знаний полностью определяется объектами природы, то оно может считаться независимым от психологических особенностей ученого и, следовательно, как потом стали говорить в теории познания, объективно. Но в настоящее время оба «кита», на которых основывается принцип объективности научного знания, в философии науки подверглись сомнению. И естественные науки не могут рассматриваться в качестве идеала научного знания, и всё более очевидна в познании роль познающего субъекта, даже в естествознании, где законы природы устанавливаются не просто с целью «незаинтересованного интереса» (а как там устроена природа?), а с целью расчета, прогнозирования и управления природными процессами (о чем писали и М. Хайдеггер, и много других философов, не исключая и автора).

Правда, вряд ли стоит шархаться в другую сторону, утверждая, как «прикладные постмодернисты», что вообще не существуют метанарративы

вов (объективной реальности), а производство знания произвольно и полностью определяется интересами отдельных индивидов или маргинализованных групп. «В конечном случае, – пишут Х. Плакроуз и Дж. Линдси, – “исследовательская справедливость” оценивает продукты научного труда, исходя не из их качества или научной строгости, а из идентичности их производителей, и отдает предпочтение тем, кто с точки зрения постколониальной Теории (это одно из направлений прикладного постмодернизма. – В. Р.) относится к маргинализованной группе, – при том условии, что они продвигают методы производства знания и разделяют заключения постколониальной Теории. Вполне понятный ход для постмодернистов, отрицающих существование каких-либо объективных критериев научной строгости или качества: для них критерии бывают лишь привилегированные или маргинализованные. Но у науки (включая социальные науки) такой объективный критерий есть: соответствие реальности. Некоторые научные теории работают, другие – нет. Сложно понять, какую пользу маргинализованным индивидам или вообще кому-либо могут принести научные теории, не соответствующие реальности и, следовательно, не работающие» [15, с. 111, 112].

Соглашаясь с характеристикой прикладного постмодернизма, трудно в настоящее время принять корреспондентную теорию истины, которую Плакроуз и Линдси выставляют в качестве альтернативы постмодернизму. О какой реальности и соответствии они говорят: той, которая наблюдается невооруженным глазом (так сказать, «природа за окном»), или той, которая создается в эксперименте («стеснена», по Бэкону, искусством) или которая только полагается в схемах и проектах, существуя в текстах, или той, которая «популярна», т. е. множественна, или той, которая выделена с точки зрения позиции исследователя – и это перечисление наверняка не полно?

Альтернатива постмодернизму – методология, ориентированная на разные ситуации познания и производства знания, на снятие реальных проблем. К последним мы бы отнесли и традиционные (преодоление противоречий, осмысление фактов, теоретическая или системная организация знаний), и новые (например, осмысление процедур построения идеальных объектов, значения исходных установок и задач ученого, концепций науки и научного знания), роли коммуникации: понимания и непонимания или обоснования. Общим для всех этих случаев является понимание того, что и знание, и объекты, как правило, не даны непосредственно, их нужно реконструировать. Подобная реконструкция содержит два плана: один включает *внешнюю позицию* в предположении, что мы знаем, как всё было на самом деле, другой – *заимствованную*, в которой характеризуется концепция познания тех субъектов, которые подлежат анализу.

Схема как основание для нового знания

Эту ситуацию познания мы рассмотрим на примере «Пира» Платона. В этом диалоге новое знание о любви, например, что любовь – это «поиск своей половины и стремление к целостности», один из героев, Аристофан, получает, предварительно создав схему андрогина, представляющую собой рассказ о том, как Зевс разрезал андрогинов на половинки и разбросал их по всему свету, но каждая, чтобы воссоединиться, стала искать свою половину. «Итак, каждый из нас, – говорит Аристофан, – это половинка человека, рассеченного на две камбалоподобные части, и поэтому каждый ищет всегда соответствующую ему половину... Таким образом, любовью называется жажда целостности и стремление к ней. Прежде, повторяю, мы были чем-то единым, а теперь из-за нашей несправедливости мы поселены богом порознь ... помирившись и подружившись с этим богом (Эротом. – В. Р.), мы встретим и найдем тех, кого любим, свою половину, что теперь мало кому удается» [16, с. 100, 101].

Я показываю, что схему создает субъект (в данном случае философ), разрешая свою «проблемную ситуацию» (она представляла затруднение, возникшее при становлении античной личности, которая стремилась любить подобного себе, но не могла этого сделать в силу того, что любовь в тот период понималась как внешнее действие богов любви). Схема задает «новую реальность» и понимание (любовь как самостоятельный выбор) и позволяет действовать по-новому: не ждать, пока на тебя обратит внимание Афродита или Эрот и склонит, иногда даже против твоей воли, кого-то любить, а самостоятельно искать свою половину. Так вот, новое знание о любви Платон в «Пире» получает на основе созданной им схемы. Как я показываю, и другие новые знания Платон обычно получает, построив схемы [19, с. 59–69, 76–78].

Однако относит эти знания Платон не прямо к «эмпирическим объектам» (например, к влюбленным), а сначала к идеям и уже потом к этим объектам. Так, в «Федре» (это следующий после «Пира» диалог) Платон поясняет, как он получал новое знание о любви: «...это способность, охватывая всё общим взглядом, возводить к единой идее то, что повсюду разрозненно, чтобы, давая определение каждому, сделать ясным предмет поучения. Так поступили мы только что, говоря об Эроте: сперва определили, что это такое, а затем, худо ли, хорошо ли, стали рассуждать; поэтому-то наше рассуждение вышло ясным и не противоречило само себе» [17, с. 76].

Получается, что объект нового знания у Платона имеет как бы две ипостаси: основная – идеи, их Платон явно конструирует (идеи непротиворечивы, упорядочены, расположены на небе, приобщены к благу), и эмпирические объекты («вещи») – они, напротив, противоречивы и не упорядо-

ченны. Почему так, понятно из концепции познания, которую Платон излагает в «Седьмом письме»: познание предполагает именование явления, построение определений, схем, рассуждений, но всё это только необходимые условия припоминания идей, которые душа созерцала на небе до своего вселения в тело человека. Поскольку, по Платону, вещи в плане бытия вторичны и существуют по «приобщению к идеям», эмпирические объекты нового знания создаются на основе предварительно сконструированных идей.

«Для каждого из существующих предметов, – пишет Платон, – есть три ступени, с помощью которых необходимо образуется его познание; четвертая ступень – это само знание, пятой же должно считать то, что познается само по себе и есть подлинное бытие: итак, первое – это имя, второе – определение, третье – изображение (схема. – В. Р.), четвертое – знание. ... Всё это нужно считать чем-то единым, так как это существует не в звуках и не в телесных формах, но в душах... Лишь с огромным трудом, путем взаимной проверки – имени определением, видимых образов – ощущениями, да к тому же, если это совершается в форме доброжелательного исследования, с помощью беззлобных вопросов и ответов, может просить разум и родиться понимание каждого предмета (то есть явиться, припомниться идея. – В. Р.) в той степени, в какой это доступно для человека» [18, с. 493, 494, 496].

С точки зрения концепции объективности научного знания новые знания, полученные в произведениях Платона, явно будут необъективными и неистинными, хотя они прекрасно работали и на их основе создавались различные другие знания.

Античное мышление как основание для нового знания

Здесь заслуга принадлежит целиком Аристотелю. Например, в «Физике» он получает два новых знания: что *скорость свободного падения тел зависит от их веса* (чем тело тяжелее, тем с большей скоростью оно падает, а совсем легкие тела стремятся вверх) и что *причина «естественного» движение тел – стремление к своему месту*. «Под естественным, – пишет М. Гуковский, – понимается движение, происходящее без воздействия какой-либо силы; по классической аристотелевской концепции оно вызвано врожденным всему существу стремлением к своему месту, к той точке, в которой сосредоточена как бы вся сущность стихии, из которой состоит данное тело. Движение, вообще говоря, может происходить по всем направлениям, но движение естественное может происходить только в одном направлении, определяемом для расположенной в пространстве телесной точки линией, соединяющей эту точку с центром мира или, что то же самое, с центром земли» [9, с. 19]. «Если, – разъясняют А. Григорьян и В. Зубов, – тело

стремится вниз вследствие врожденного в самом его веществе стремления соединиться со свойственным ему местом, то естественно, что чем больше в нем этого вещества, тем с большей скоростью оно будет к этому месту стремиться» [8, с. 24].

Эти знания тоже были получены на основе схем, но всё же более существенно, что схемы создавались Аристотелем в рамках античного мышления. Аристотель завершает процесс реализации программы Парменида, в котором участвовали Сократ, Платон и некоторые другие античные философы. Этот процесс сводился, во-первых, к нормированию рассуждений и доказательств (построение определений, начал, наконец, правил, позволяющих рассуждать и доказывать без противоречий), во-вторых, к конституированию на основе категорий и понятий непротиворечивой реальности (идеи Платона, первая и вторые сущности Аристотеля), к которой можно было относить «идеальные объекты», сконструированные античными философами (например, платоническую любовь или движение по Аристотелю).

Аристотель в своей концепции познания указывает два источника новых знаний (эпистем): *чувственное восприятие* и *мышление*, причем первое предполагает опыт и наблюдение, а второе – рассуждения и доказательства, подчиняющиеся аристотелевским правилам («Категории», «Аналитики», «О софистических рассуждениях»). «Очевидно также, – пишет он, – что если нет чувственного восприятия, то необходимо будет отсутствовать и какое-нибудь знание, которое невозможно (в таком случае) приобрести, поскольку мы научаемся (чему-нибудь) либо через индукцию, либо посредством доказательства. Доказательство же исходит из общего, индукция – из частного; однако (и) общее нельзя рассматривать без посредства индукции» [1, с. 217, 218].

Мышление Аристотель характеризует двояко: с одной стороны, это правильные (т. е. подчиняющиеся правилам и категориям) рассуждения и доказательства, с другой – механизм, позволяющий создавать на основе чувственных восприятий общее. «Другие же, – поясняет Аристотель действие этого механизма, – когда они чувственно воспринимают, удерживают что-то в душе. Если же таких (восприятий) много, то получается уже некоторое различие, так что из того, что остается от воспринятого, у одних возникает (некоторое) понимание, а у других – нет. ...Из опыта же или из всего общего, сохраняющегося в душе, (то есть) из чего-то помимо многого, что содержится как тождественное во всех (вещах), – берут свое начало навыки и наука. Навыки – если дело касается создания (вещей), наука – если дело касается существующего. ...Подобно тому как (это бывает) в сражении, после того как (строй) обращен в бегство: когда один останавливается, останавливается другой, а затем и третий, пока (всё) не придет в

первоначальный порядок. А душа такова, что может испытать нечто подобное..., ум может иметь (своим предметом) начала» [1, с. 287].

В «Метафизике» Аристотель намекает, что мышление человека подобно мышлению Разума (Божества), но только намекает. По сути, он не знает, как устроен механизм мышления. В Средние века этот механизм истолковывается как управление со стороны Бога, а в эпоху Возрождения Н. Кузанский трактует его как *самоуправление*, переданное человеку Богом. Человек, по Кузанскому, – второй бог, а его разум представляет собой инстанцию, которая не только отражает мир, но и «судит» (направляет).

С точки зрения аристотелевской концепции познания второе знание, объясняющее причину естественного движения как стремление к своему месту, – это общее знание, полученное путем осмысления наблюдаемых в опыте чувственных восприятий. На вопрос, почему предложена именно такая схема, Аристотель, вероятно, ответил бы, что она объясняет и наблюдения, и указывает на причину (сущность) естественного движения.

Математические построения и эксперимент как основание нового знания

Галилей, в отличие от Аристотеля, утверждает, что *все тела независимо от веса должны падать с одинаковой скоростью*. Мамчур пишет, что Аристотель не прав, а прав Галилей. Но Хайдеггер говорит, что правы оба, поскольку в античной и современной культурах познание и знание понимается различно и каждый действовал сообразно представлениям своего времени. Действительно, Галилей, в отличие от Аристотеля, считает, что только математика является истинным знанием о природе, а сама природа может быть приведена человеком к нужному состоянию («стеснена искусством»). Так он и поступает. Свободное падение тел описывает с помощью математической модели. Когда же его оппоненты показывают, что эта модель не описывает все наблюдаемые случаи падения тел, Галилей не отказывается от своих принципов. Он предлагает учесть сопротивление среды и, главное, минимизировать его действие технически, путем создания нужных условий (идея эксперимента в отличие от опыта). Вот два концептуальных представления Галилея о познании, направляющих новое производство знаний.

«Но если человеческое понимание рассматривать интенсивно, и коль скоро под интенсивностью разумеют совершенное понимание некоторых суждений, то я говорю, что человеческий интеллект действительно понимает некоторые из этих суждений совершенно и что в них он обретает ту же степень достоверности, какую имеет сама Природа. К этим суждениям принадлежат только математические науки, а именно геометрия и арифметика, в которых божественный интеллект действительно знает бесконечное число суждений, поскольку он знает всё» [6, с. 61].

И второе: «...для научного трактования этого предмета необходимо сперва сделать отвлеченные выводы, а сделав их, проверить в тех пределах, которые допускаются опытом. Польза от этого будет немалая. Вещество и форму можно при этом выбрать такими, чтобы сопротивление среды оказывалось возможно меньше» [7, с. 431].

Подход исследователя и интерпретации как основание нового знания

Эту ситуацию познания можно проиллюстрировать на примере двух работ Зигмунта Баумана: «Актуальность холокоста» и «Мыслить социологически». В первой он получает новые знания, во второй излагает свое понимание познания в социальных науках. С точки зрения Баумана, социальная наука имеет целью не установление законов, а всего лишь создание интерпретаций социальных явлений, представляющих собой разные формы жизни; интерпретаций, ориентированных на расширение свободы. Бауман считает, что «знание, будучи упорядоченной картиной мира, картиной порядка, содержит в себе и интерпретацию этого мира... вещи становятся для нас существующими благодаря имеющемуся у нас знанию. ... Социология – это расширенный комментарий опыта обыденной жизни, интерпретация, основывающаяся на других интерпретациях и, в свою очередь, питающая их. Она не конкурирует, но соединяет свои силы с другими частными дисциплинами, занимающимися интерпретацией человеческого опыта (литература, искусство, философия). Социологическое мышление, по меньшей мере, подрывает веру в исключительность и полноту какой бы то ни было интерпретации. Оно привлекает внимание к множественности опытов и форм жизни, показывает каждую из них как целостность саму по себе, как мир со своей собственной логикой и в то же время разоблачает всю фальшь ее самодовольства и якобы явной самодостаточности. Социологическое мышление не затрудняет, а способствует потоку переживаний и их обмену. И, если говорить прямо, она прибавляет неопределенности, поскольку подрывает усилия “заморозить поток” и захлопнуть все входы и выходы. С точки зрения власти, озабоченной установленным ею порядком, социология является частью хаотичного мира, скорее проблемой, чем решением. ...Социологическое мышление помогает делу свободы» [2, с. 239–242].

В соответствии с этой концепцией познания Бауман создает такую интерпретацию холокоста, в которой показывает, что *холокост представлял собой не случайное отклонение от нормы, а, напротив, вполне закономерный процесс и феномен*, который в принципе может повториться. «Я, – пишет Бауман, – пришел к выводу, что холокост стал итогом уникального столкновения факторов, которые сами по себе были совершенно банальными и обычными

ми; и что вину за такое столкновение в значительной степени следует возложить на освободившееся от общественного контроля политическое государство с его монополией на средства насилия и его дерзкой инженерией, завершивших демонтаж всех неполитических ресурсов власти и институтов общественного самоуправления» [3, с. 14]. «Можно предположить, что в недалеком будущем вполне могут возникнуть ситуации, когда государству придется взять в свои руки социальное управление обществом – и тогда укоренившаяся и проверенная временем расистская позиция может снова пригодиться» [3, с. 104].

Бауман уверен, что из случившегося можно извлечь уроки для будущего. «Нынешнее значение холокоста заключено в уроке, который он содержит для всего человечества. Урок холокоста в том, с какой легкостью большинство людей, попавших в ситуацию, не оставляющую возможности для правильного выбора или делающую подобный выбор крайне дорогостоящим, уговаривают себя отвернуться от проблемы нравственного долга (или не могут уговорить себя ему следовать), принимая вместо этого принципы рационального интереса и самосохранения... Второй урок говорит нам, что возвышение самосохранения над моральным долгом отнюдь не предрешено, не неминуемо и не неизбежно. Можно принуждать к такому выбору, но нельзя заставить его сделать, и поэтому нельзя переложить ответственность за содеянное на тех, кто оказал давление. Неважно, сколько людей предпочли моральный долг рациональности самосохранения, – важно то, что некоторые сделали это. Зло не всемогуще. Ему можно сопротивляться. Свидетельство тех немногих, кто действительно воспротивился, разбивает власть логики самосохранения. Оно показывает, в чем, в конце концов, дело – в выборе. Интересно, сколько же людей должно возмутиться подобной логикой, чтобы сделать зло беспомощным? Существует ли волшебный порог сопротивления, за которым технология зла останавливается?» [3, с. 243].

Все эти знания и целый ряд других, рассмотренных в нашем анализе работы Баумана [20, с. 13–28], действительно получены в рамках установки на расширение свободы и создание интерпретации феномена холокоста. Производство знания в этом случае относится к гуманитарной науке, и оно существенно отличается от естественно-научного способа познания.

Анализ разных ситуаций производства знания можно продолжать, но я ограничусь рассмотренными случаями. Важно еще раз обратить внимание на метод реконструкции этих ситуаций. Он включает в себя два плана: внешний, где я задавал ситуации, выявленные в генезисе определенной области философии или определенного типа науки, и внутренний, основанный на реконструкции заимствованной позиции, она сводилась к концепции познания, которую формулировал и реализовал философ или ученый.

Отдельный вопрос о критериях истинности или эффективности знаний, если мы переходим к стратегии реконструкции производства знаний в разных ситуациях познания. Мои исследования показывают, что эти критерии существенно различаются в этих разных ситуациях. Различия обусловлены как несходством концепций познания, так и реальными различиями в производстве знаний. Другими словами, это не формальный принцип наподобие принципа объективности научного знания, а целый ряд содержательных положений.

Пожалуй, легче всего указать эти положения для естествознания. Их удобно разделить на два типа: внутренние и внешние. Внутренние – математическое описание процессов и механизмов определенного природного явления, а также эксперимент, в котором это явление приводится в соответствие с предложенным описанием. Знание механизма явления позволяет определить условия, которые нужно создать в эксперименте (например, в исследовании Галилея – минимизировать сопротивление среды). Внешние положения такие: возможность на основе предложенного математического описания рассчитывать и прогнозировать родственные природные процессы, а также создавать реальные механизмы и машины.

Внутренние положения для гуманитарных наук другие: описание феномена (текстов и стоящих за ними явлений, например, личности и культуры) с использованием схем и нарративов, которое дает возможность истолковать и понять это явление [21, с. 127–135]. Внешние положения – использование внутренних положений в определенной аудитории, включающей в том числе и их автора, в целях понимания, общения, образования, выбора и др. Понятно, что, поскольку истолкование и понимание различны в разных аудиториях, один и тот же феномен в гуманитарных науках осмысливается по-разному [21].

Социальные науки ориентированы на решение сразу двух задач: возможность рассчитывать и прогнозировать социальные процессы и осмыслить (понять) социальных акторов, инициировавших эти процессы и действующих в них. Например, Валентина Федотова пишет: «Сейчас существует некоторая тенденция отказа от научного доминирования в социальной сфере и тенденция критики науки, критики во многом справедливой. Подчеркивается значение научно-гуманитарного и вненаучного социального знания. Их бóльшая непосредственность, понятность для неспециалистов, связь с обыденно-практическим сознанием вызывает естественное доверие к такому типу знания. Однако социальные науки несут ответственность перед людьми за состояние социальной жизни, ибо их цель заключается не только в объективном познании, но и в нахождении путей социально необходимых преобразований. Требование понятности, доступности для обсуждения заменяется другим – уметь раскрыть социальные меха-

низмы, дать возможность их использовать, осуществить не только регулятивно-консультативную, но и познавательно-преобразующую, даже технологическую функцию. Социальные науки гуманитарно-адекватны, если выполняют эти задачи. Например, экономические науки проявят свою гуманитарную адекватность, если не только выразят экономические устремления людей, но и найдут механизмы и способы реализации этих устремлений на основе объективных экономических законов» [22, с. 136].

Если это так, то понятно, что критерии истинности и эффективности знаний социальных наук частично совпадают с указанными здесь критериями естественных наук, частично – с критериями гуманитарных. Например, теория К. Маркса смены капиталистической формации на социалистическую построена на основе целого ряда интерпретаций (кража капиталистами у рабочих прибавочной стоимости, негативная оценка частной собственности, революция как форма развития и др.). Эта теория очень приглянулась российским социал-демократам, которые на ее основе совершали революцию, перекраивали государство и общество, строили социализм. Однако 70-летняя конкуренция с капитализмом, которую можно рассматривать как своеобразный социальный эксперимент, показала нежизнеспособность социализма, построенного в СССР. Научное описание этого сложного процесса предполагает как естественно-научный подход, так и гуманитарный.

Говоря о критериях истинности и эффективности новых знаний, нужно также учитывать личность философа или ученого, который создает концепции познания и реально производит знания. Поэтому в рамках указанных трех типов наук существуют варианты. Одно дело – Галилей, другое – Ньютон, третье – Эйнштейн; аналогично Дильтей, Вебер, Бахтин или Маркс, Конт, Дюркгейм, Сорокин, Шюц. Безусловно, реконструкция производства знаний в разных ситуациях познания значительно сложнее использования принципа объективности научных знаний, но, если мы хотим быть адекватными реальности и времени, другого пути не существует.

Литература

1. *Аристотель*. Аналитики первая и вторая. – Л.: Госполитиздат, 1952. – 437 с.
2. *Бауман З.* Мыслить социологически / пер. с англ. под ред. А.Ф. Филиппова. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 255 с.
3. *Бауман З.* Актуальность холокоста. – М.: Европа, 2010. – 316 с.
4. *Вебер М.* Исследования по методологии науки. Ч. II. – М.: ИНИОН, 1980. – 224 с.
5. *Гайденко П.П.* Категория времени в буржуазной европейской философии истории XX века // Философские проблемы исторической науки. – М.: Наука, 1969. – С. 225–262.

6. Галилей Г. Диалог о двух главнейших системах мира. – М.; Л.: ОГИЗ, 1948. – 380 с.
7. Галилей Г. Сочинения. Т. 1. Беседы и математические доказательства, касающиеся двух новых отраслей науки, относящихся к механике и местному движению, с приложением о центрах тяжести различных тел. – М.; Л.: ГТТИ, 1934. – 696 с.
8. Григорьян А.Т., Зубов В.П. Очерки развития основных понятий механики. – М.: АН СССР, 1962. – 274 с.
9. Гуковский М.А. Механика Леонардо да Винчи. – М.; Л.: АН СССР, 1947. – 815 с.
10. Казютинский В.М. Традиции и революция в современной астрономии: дис. ... д-ра филос. наук / Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М., 1999. – 58 с.
11. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения: в 6 т. – М.: Мысль, 1964. – Т. 3. – С. 69–756.
12. Мамчур Е.А. Объективность науки и релятивизм: (к дискуссиям в современной эпистемологии). – М.: ИФ РАН, 2004. – 242 с.
13. Научная объективность. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Научная_объективность (дата обращения: 10.08.2022).
14. Неретина С.С. Верующий разум. К истории средневековой философии. – Архангельск: Изд-во Помор. междунар. пед. ун-та, 1995. – 368 с.
15. Плакфouz X., Линдси Дж. Циничные теории: как все стали спорить о расе, гендере и идентичности и что в этом плохого. – М.: Individuum, 2022. – 384 с.
16. Платон. Пир // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. – М.: Мысль, 1993. – Т. 2. – С. 81–135.
17. Платон. Федр // Платон. Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1993. – Т. 2. – С. 135–192.
18. Платон. Седьмое письмо // Платон. Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1994. – Т. 4. – С. 475–504.
19. Розин В.М. «Пир» Платона. Новая реконструкция и некоторые реминисценции в философии и культуре. – М.: URSS, 2015. – 200 с.
20. Розин В.М. Природа социальности: проблемы методологии и онтологии социальных наук. – М.: Ленанд, 2016. – 288 с.
21. Розин В.М. Особенности дискурса и образцы исследования в гуманитарной науке. – М.: Либроком, 2009. – 208 с.
22. Федотова В.Г. Основные исследовательские программы социально-гуманитарных наук // Анархия и порядок. – М.: URSS, 2000. – 144 с.
23. Юм Д. Исследование о человеческом разумении. – М.: Прогресс, 1995. – 320 с.

Статья поступила в редакцию 05.02.2022.

Статья прошла рецензирование 18.02.2022.

DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.3.1-75-92

FROM THE PRINCIPLE OF OBJECTIVITY OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE TO THE RECONSTRUCTION OF DIFFERENT SITUATIONS OF KNOWLEDGE PRODUCTION

Rozin, Vadim,

Dr. of Sc. (Philosophy), Professor,

Chief Researcher, Institute of Philosophy RAS,

1 bldg, 12 Goncharnaya Street, Moscow, 109240, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-4025-2734

rozinvm@gmail.com

Abstract

The article proposes to move from the principle of objectivity of scientific knowledge to the reconstruction of different situations of knowledge production. To do this, it is first shown that this principle does not work in the humanities and social sciences and has partially ceased to work in natural science (in the field of micro and macro phenomena). A scheme of the genesis of the principle of objectivity is outlined (the need to substantiate knowledge in the natural sciences, the proposals of Kant and Hume). As an alternative to the principle of objectivity, a reconstruction of different situations of knowledge production is proposed, containing two plans: including an external position, on the assumption that we know how everything really happened, and a borrowed one, in which the concept of cognition of those subjects that are subject to analysis is characterized. To demonstrate the logic of this reconstruction, several situations of the production of new knowledge are considered: using schemes (Plato's work), ideas about thinking (Aristotle), mathematics and experiment (Galileo), interpretations of the researcher (Z. Bauman). Criteria for the truth and effectiveness of new knowledge, which differ significantly in the natural and human sciences, are discussed. For the natural sciences, it is a mathematical description of the processes and mechanisms of a certain natural phenomenon, as well as an experiment that makes it possible to calculate and predict, and create engineering structures. For the humanities, it is an interpretation of a phenomenon that ensures its understanding and use in certain audiences. Since the social sciences are focused on solving two problems at once (the ability to calculate and predict social processes and to comprehend (understand) the social actors who initiated these processes and act in them), insofar as the criteria of authenticity and effectiveness in the social sciences partially coincide with the criteria of the natural sciences indicated here, partly humanitarian.

Keywords: objectivity, science, knowledge, thinking, criterion, nature, truth, efficiency, experiment, interpretation.

Bibliographic description for citation:

Rozin V. From the Principle of Objectivity of Scientific Knowledge to the Reconstruction of Different Situations of Knowledge Production. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2022, vol. 14, iss. 3, pt. 1, pp. 75–92. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.3.1-75-92.

References

1. Aristotle. *Analitiki pervaya i vtoraya* [Analysts one and two]. Leningrad, Gospolitizdat Publ., 1952. 437 p. (In Russian).
2. Bauman Z. *Myslit' sotsiologicheski* [Think sociologically]. Moscow, Aspect-Press, 1996. 255 p. (In Russian).
3. Bauman Z. *Aktual'nost' kholokosta* [The relevance of the Holocaust]. Moscow, Evropa Publ., 2010. 316 p. (In Russian).
4. Weber M. *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*. Tübingen, 1951 (Russ. ed.: Veber M. *Issledovaniya po metodologii nauki*. Pt. II. Moscow, INION Publ., 1980. 224 p.).
5. Gaidenko P.P. Kategoriya vremeni v burzhuaznoi evropeiskoi filosofii istorii XX veka [The category of time in the bourgeois European philosophy of the history of the twentieth century]. *Filosofskie problemy istoricheskoi nauki* [Philosophical problems of historical science]. Moscow, Nauka Publ., 1969, pp. 225–262.
6. Galilei G. *Dialog o dvukh glavneishikh sistemakh mira* [Dialogue Concerning the Two Chief World Systems]. Moscow, Leningrad, OGIZ Publ., 1948. 380 p. (In Russian).
7. Galilei G. *Sochineniya*. T. 1. *Besedy i matematicheskie dokazatel'stva, kasayushchiesya dvukh novykh otraslei nauki, odnosyashchikhsya k mekhanike i mestnomu dvizheniyu, s prilozheniem o tseentrakh tyazhesti razlichnykh tel* [Works. Vol. 1. Discourses and Mathematical Demonstrations Relating to Two New Sciences]. Moscow, Leningrad, State Technical and Theoretical Publ., 1934. 696 p. (In Russian).
8. Grigor'yan A.T., Zubov V.P. *Ocherki razvitiya osnovnykh ponyatii mekhaniki* [Essays on the development of basic concepts of mechanics]. Moscow, AN SSSR Publ., 1962. 274 p.
9. Gukovskii M.A. *Mekhanika Leonardo da Vinchi* [The mechanics of Leonardo da Vinci]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1947. 815 p.
10. Kazyutinskii V.M. *Traditsii i revolyutsiya v sovremennoi astronomii*. Diss. dokt. filos. nauk [Traditions and revolution in modern astronomy. Dr. of philosophy diss.]. Moscow, 1999. 58 p.
11. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Criticism of Pure Reason]. Kant I. *Sochineniya*. V 6 t. [Works. In 6 vol.]. Moscow, Mysl' Publ., 1964, vol. 3, pp. 69–756. (In Russian).
12. Mamchur E.A. *Ob'ektivnost' nauki i relyativizm: (k diskussiyam v sovremennoi epistemologii)* [Objectivity of Science and Relativism: (Towards Discussions in Modern Epistemology)]. – Moscow, IF RAS Publ., 2004. 242 p.
13. *Nauchnaya ob'ektivnost'* [Scientific objectivity]. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Nauchnaya_obektivnost (accessed 10.08.2022).
14. Neretina S.S. *Vernyushchii razum. K istorii srednevekovoi filosofii* [Faithful Mind. On the History of Medieval Philosophy]. Arkhangelsk, Pomor Pedagogical University Publ., 1995. 368 p.

15. Pluckrose H., Lindsay J. *Tsinichnye teorii: kak vse stali sporit' o rase, genere i identichnosti i chto v etom plokhogo* [How everyone started arguing about race, gender and identity and what's wrong with that]. Moscow, Individuum Publ., 2022. 384 p. (In Russian).
16. Plato. Pir [Feast]. Plato. *Sobranie sochinenii*. V 4 t. T. 2 [Complete works. In 4 vol. Vol. 2]. Moscow, Mysl' Publ., 1993, pp. 81–135. (In Russian).
17. Platon. Fedr [Fedr]. Platon. *Sobranie sochinenii*. V 4 t. T. 2 [Complete Works. In 4 vol. Vol. 2]. Moscow, Mysl' Publ., 1993, pp. 135–192. (In Russian).
18. Platon. Sed'moe pis'mo [The Seventh Letter]. Platon. *Sobranie sochinenii*. V 4 t. T. 4 [Complete Works. In 4 vol. Vol. 4]. Moscow, Mysl' Publ., 1994, pp. 475–504. (In Russian).
19. Rozin V.M. "Pir" Platona. *Novaya rekonstruktsiya i nekotorye reminitsentsii v filosofii i kul'ture* [Plato's "Feast". New reconstruction and some reminiscences in philosophy and culture]. Moscow, URSS Publ., 2015. 200 p.
20. Rozin V.M. *Priroda sotsial'nosti: problemy metodologii i ontologii sotsial'nykh nauk* [Nature of sociality: Problems of methodology and ontology of social sciences]. Moscow, Lenand Publ., 2016. 288 p.
21. Rozin V.M. *Osobennosti diskursa i obraztzy issledovaniya v gumanitarnoi nauke* [Features of discourse and samples of research in the humanities]. Moscow, Librokom Publ., 2009. 208 p.
22. Fedotova V.G. Osnovnye issledovatel'skie programmy sotsial'no-gumanitarnykh nauk [The main research programs of the social sciences and the humanities]. *Anarkhiya i poryadok* [Anarchy and order]. Moscow, URSS Publ., 2000. 144 p.
23. Hume D. *Issledovanie o chelovecheskom razumenii* [An Enquiry Concerning Human Understanding]. Moscow, Progress Publ., 1995. 320 p. (In Russian).

The article was received on 05.02.2022.

The article was reviewed on 18.02.2022.